

дуна
не жо
и ту
иі ст

Qasym

Республикалық әдеби-қоғамдық журнал

№3 (41)
2018

РУХАНИ
ЖАҒҒЫРУ

Бұқар жырау - 350 · Толғаулар · Астана - 20 ·
Жамбыл АРТЫҚБАЕВ · Поэзия · Серік
АҚСҰҢҚАРУЛЫ · Қасымтану · Гаухар
ҚҰМАРОВА · Проза · Асылбек ИХСАН · Жас
қалам · Мадина ЫДЫРЫС

Ей, тоқандар дүние,

Маған да бір қарашы!

Қасым

Әдебиеттану

Марат
АЗБАНБАЕВ

ПУТЬ АБАЯ

И

ДРЕВНЕЕ ПРАВО

*(Комментарий читателя
к роману-эпопее)*

— Марат Ақтөрі айқұлы АЗБАНБАЕВ — 1953 жылы 3 қарашада Павлодар облысы Ергіс ауылында дүниеге келген. 36 жылдан астам уақыт сот-құқық қорғау саласында қызмет етіп келеді. Кейінгі 19 жыл бойы Қарағанды облыстық сотының судьясы. «Менің Қазақстаным — Жүмекен», «Әділ, әсем әлем», «Қарқабат», «Абай и Слово о полку Игореве», «Мықты қазақ және Игорь нолкі туралы жыр» кітаптарыны авторы. Құқықтық лингвистика, дала демократиясы, билер институты тақырыбында жекелеген зерттеулер жасаған.

ПИСЬМО ДРУГУ

ДОРОГОЙ друг, в вашем последнем письме вы очень верно подметили, что стиль письма автора создает и воспитывает того читателя, которого вы называете «человеком права».

Проблема письма, ставшая в последнее время предметом острого обсуждения в печати, как свидетельствует история литературы, была актуальна во все времена и у всех народов, присуща любому перу, будь его владелец поэтом, писателем, либо правоведом.

Как утверждают умудренные опытом люди, чтобы понять проблему, нужно иметь воображение, а для его решения - умение.

Эти мудрецы, как нам видится, ведут речь о художнике и мастере, о том страшнике, живущем вечно в пути.

Мы принимаем ваше предложение и находим возможным начать наше совместное чтение книг с романа писателя М.О. Ауэзова «Абай жолы» одновременно на двух языках, на языке оригинала и в переводе на русский язык.

ПУТЬ АБАЯ

Глава первая

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Первое предложение первой главы романа состоит из десяти слов, и первым словом обозначено число «три» (үш): «Үш күндік жолдың бүгінгі, соңғы күніне бала шәкірт барын салды».

То обстоятельство, что этот строго определенный порядок слов в предложении писателем был глубоко продуман, никаких сомнений не вызывает.

Простое на первый взгляд предложение содержит в себе не только мудрую мысль, но и образы, сотворенные самой природой. Так, слово «жол» (путь) в предложении – это образ пути на водной глади, по которой плывут лебеди-дни. Их много – стая птиц, союз лебедей, и это значение множества передает слово «үш» (три).

Этот союз лебедей, намереваясь взлететь, начинает свой полет, отталкиваясь от слова «бүгінгі» (сегодняшний, сегодня, сей же час) - точка старта на водной поверхности.

«Соңғы күнінде» (в последний день) – это тот миг, когда лебедь убыстряет свой разбег.

А «бала-шәкірт» (подросток воспитанник) – лебедь чистый, пытающийся подняться на собственных крыльях.

«Барын салды» – вложил всего себя, напряжение всех духовных и физических сил в попытке преодоления силы притяжения, отрыв от земной, водной стихии. Здесь на память приходят строчки из стихот

ворения А.С.Пушкина: «Чу, пушки грянули! Крылатых кораблей Покрылась облаком станица боевая, Корабль вбежал в Неву – и вот среди зыбей, Качаясь, плавает, как лебедь молодая».

Весь стройный ряд слов в предложении в своем поступательном движении, словно белый лебедь молодой скользнуть по памяти мысли, преображая его в пушкинское: «Плывет корабль, как лебедь громовержец...».

Каждый из десяти слов первого предложения сбиты в пять единиц: «Үш күндүк жолдың // бүгүнгү//, соңгы күніне //бала шәкірт// барын салды», – словно ступени космического корабля, выводящего его на околоземную орбиту.

Именно образом «бала шәкірт» – лебедь молодой гений М.Ауэзова вводит имя Абая в океан мировой литературы на корабле лебедь-громовержеце «Путь Абая».

Подстрочный же перевод первого предложения на русский язык буквально выстраивается следующим образом: «На третий день пути в сегодняшней, самый последний день подросток-воспитанник вложил всего себя». В переводе А.Никольской, Т.Нуртазина и Л.Соболева первое предложение построено так: «Мальчик спешил домой. Он готов был на все, чтобы третий день пути был и последним». В переводе А.Кима оно изложено в другом порядке: «На третий день пути нетерпение вырвалось из сердца мальчика, не удержи́мо повлекло вперед, и он сделал все, чтобы сегодня быть дома». Здесь нам видится нарушение смыслового ряда в предложении, которое искажает правду письма, из-за которого «меркнет ясность», и притупляет острый галльский смысл, снижает жар холодных чисел».

В оригинале романа слова «бала шәкірт» – подросток-воспитанник по существу находятся в составе первого предложения правомерно. При переводе их нельзя переносить в последующие строки, в этом сочетании заключен сюжетный замысел романа.

В предложении нет конкретного слова «дом» (үй), вообще отсутствуют какие-либо слова, передающее понятие «дом».

В первых строках автор использует слова: «үш күндүк жол» – трехдневный путь; затем «бүгүнгү» – сегодняшний; после него «соңгы» – «последний». В этой уверенной, выверенной поступи слов в их строгой последовательности есть особый смысл, указывающий на взаимное переплетение чисел и норм права. Начало романа с числа 3 предопределено законом бесконечной прогрессии. Как свидетельствуют ученые, числовая последовательность, как таковая, начинается на самом деле с числа 3: три, четыре, пять и т.д. Шаг к «трем» явился решающим, ибо он ввел в числовую последовательность бесконечную прогрессию.

М.О.Ауэзов считал, что «Абай для нас – не только прошлое. Он шел вместе с народом в его неуклонном стремлении вперед, а для такого поэта нет смерти, ибо время не ставит предела его творениям». Вот в этих суждениях писателя лежит разгадка значения слова «бала шәкірт» в романе, оно является её неизменной нормой, ведущего читателя от юноши до мудрого поэта, оставившего после себя бессмертные

стихи о своем народе.

По замыслу автора, зашифрованному в первых строках, его герой не просто возвращался домой с учебы, а вступал, сам того не ведая, на новый путь – путь защитника народа. Для Абая в тот «трехдневный путь» народом был свой дом, родня, весь род Тобыкты, он еще не мог подняться до понимания исторической категории народа и его права на жизнь.

Вся жизнь Абая была predetermined решением его отца, главы большого семейства, правителя рода, воле которого он непременно должен был подчиниться.

Как следует из текста романа, отец Абая старший султан Кунанбай преднамеренно отозвал сына из города Семей, не дав ему полностью завершить учебу в медресе у семипалатинского имама Ахмет-Ризы. При этом следует учесть то, что Кунанбай действовал в соответствии с нормами обычного права казахов, по которому юноша, достигший тринадцатилетнего возраста, имел право стать семьянином: «Он үш жаста отау иесі» (в тринадцать лет – хозяин очага). Сведения о возрасте подростка-воспитанника Абая и о годах учебы в медресе есть в статье М.Ауэзова «Как я работал над романами «Абай» и «Путь Абая».

Слово «медресе» в романе возникает впервые в связи с воспоминанием юного Абая о приезде в город Семей Жумабая, посланника отца, посетившего учителя Абая и имама мечети Ахмета Ризы. Писатель не сразу раскрывает смысл поручения Кунанбая, данного Жумабаю, и Абай случайно из слов, сказанных Жумабаем его родственнику Байтасу, догадывается, что тот приезжал в город по особому заданию отца. Тайну поездки Жумабая, особо доверенного лица Кунанбая, нельзя было раскрывать до поры до времени, поэтому писатель в начале рассказа избегает слова «медресе», «мечеть» и в обозначение статуса Абая применяет сочетание «бала шәкірт» (подросток-воспитанник), даже не называет его имени.

Употребляя «подросток-воспитанник» для передачи казахского «бала шәкірт», мы опираемся на слова М.Ауэзова о том, что Абай был воспитанником духовной школы. Применяемые в переводах слова «мальчик», «школяр медресе» не равнозначны понятию «подросток-воспитанник». Казахи слова «бала» применяют как мальчикам, так и девочкам, вне зависимости от пола. Автор в начале романа отмечает лишь юный возраст воспитанника словом «бала» – подросток. Такой же подход мы видим и у М.Шолохова в «Тихом Доне», когда писатель знакомит с членами семьи Пантелея Прокопьевича и представляет дочь: «Дуняшка – отцова слабость, – длиннорукий, большеглазый подросток...».

Слово «шәкірт» в переносном смысле в современном значении указывает на последователя своего учителя, идущего по его пути, берущего с него пример. Обратив внимание на первичное значение слова «бала», применявшегося в древнем праве, можно увидеть неразрывную связь между терминами «бала» и «шәкірт». Переемственность поколе-

ний происходит через воспитание. Воспитание – первично, а обучение, образование – вторично, знание без воспитания опасно. Мы думаем, что писатель, используя словосочетание «бала шәкірт», учитывал то обстоятельство, что Абая не завершил учебу в медресе, однако он держит путь в свой аул, семью, чтобы продолжить свое воспитание у отца.

К такому толкованию нас призывает и поведение юного Абая, когда он решил разыграть своих страших спутников, выступив в роли придорожного грабителя-разбойника, изменив не только свой облик, одежду под стать вора, но и внешность коня – белую на лбу вывезду своего иноходца Абай замазал глиной. Внезапное нападение юноша сопровождал по правилам бывалых воров и словесной угрозой, изменив свой голос, гнусаво бормоча: «Мас, көзіңді, мас!» («Сомкни, Закрой глаза, сомкни»). В этом требовании используется старинное забытое слово «мас».

При совершении позорного дела казахи обычно восклицают «Масқара», это выражение буквально означает «чтобы глаза мои ослепли от такого позора», для чего, вероятно, следует прикрыть ресницами глаза, закрыть веки, нахмурить брови. Брови были предметом особого внимания во внешности женщин, их сбривали и тупью накладывали изогнутый рисунок, значительно выше естественного положения бровей, и это было главным критерием в оценке внешности. Степные красавицы также свои брови обрамляли тушью, используя перо, отсюда и эпитеты «айқабақ, алтып кіршік», «қаламқас» – брови подобно месяцу, золотые ресницы; брови словно перо. Невольно напрашивается сравнение с английским словом mascara – тупь для ресниц: Mas – глаз, всевидящее око, в иных языках это слово означало «бог», «божество», «дом». Складывается впечатление, что писатель со знанием дела вложил в уста юноши старинное слово, тем самым подтверждая обоснованность возгласов его спутников: «Чтобы не уродиться ему. Он действует под стать роду своему Тобыкты. С малых ногтей уже знаток воровских повадок. Не зря соседи Керей и Уак страдают от них, причитая: «Вор Тобыкты, вор Тобыкты».

Воровство, как явление, были известно истари, существовали различные байки об их делах. На Дону полеховские казаки распевали песни о воровской породе: «А я роду не протого, не простого, – Воронского, воровского – Не простого, Люблю сына князевского». М.О. Ауэзов в этом эпизоде романа придорожных воров, разбойников называет термином «жолбасар» (буквально, «настигающий в пути»). Мы считаем возможно, что этот термин связан со старофранцузским словом «solde» – плата, жалованье и средне-верхнемнемецким «soldenaere» – наемный солдат. В древности торговые пути проходили по различным частям света и тамкары-караванбаши платили определенную денежную сумму при транзите товара по той или иной земле. Например, по данным исследователя С. Қоңдыбая в регионе Сарытас-Емді в Маңғистауской области проходил караванный путь, и его контролировало племя по-айлинского батыра Карасай. Поэтому можно говорить о том, что слово «жолбасар» – древний правовой термин, обозначающий «плата за про-

езд, за безопасность в пути».

При этом следует обратить внимание на тот факт, что автор романа, описывая это событие, впервые называет героя его именем Абай.

Когда отрок, оторвавшись от спутников, ускакал во весь опор несмотря на их увещевание об опасности, Жумабай заметил: «Этот юноша показывает нам, что он сын матерого волка». Лишь только «людская молвь и конской топ» стих, Жумабай в нападавшем на них в разбойнике признал Абая, которого он сам окрестил недавно в душе «Кунанбая волченком». Он близко знал Кунанбая и сразу оценил поведение Абая «не как детскую шалость, а проявление сути» и тут же в душе подумал «в отцова породу выродился», вот воистину наследник Кунанбая.

Этими словами Жумабая писатель переводит Абая из категории безымянного подростка-воспитанника в статус сына отца Кунанбая, превращает его в последователя, продолжателя его дела, обязанного жить по традициям, обычаям своего народа, берущих начало с первых мифов. Архаичность этих мифов хаттов, как считает Вяч. Вс. Иванов в предисловии книги «Луна, упавшая с неба» о древней литературе Малой Азии, «проявлялась и в том, что они обычно составляли часть обряда. Если по отношению к мифам большого числа народов их происхождение из обрядов надо еще доказывать, то в литературе хатти это с очевидностью следует из самих текстов. Но особый интерес обрядов хатти состоит в том, что в главных своих чертах религия хатти продолжает древнейшую культуру Малой Азии 7-го и 6-го тысячелетий до н. э., открытую благодаря недавним находкам в Чатал Хююке. От этой древнейшей традиции религия хатти, в частности, унаследовала не только обряды поклонения пчеле и похоронные обряды, сопряженные с мышью, но и почитание леопарда как главного священного животного. Это нашло продолжение и в культуре хеттов, и во многих гораздо более поздних традициях других народов, вплоть до образа Витязя в барсовой шкуре у Руставели, или леопарда, являвшегося в пророческом сне герою «Песнь о Роланде», или барса, который вместе со львом и волчицей видится Данте в первой песне «Ада». Связь этих литературных традиций средневековья с древними малоазиатскими мифами показывает и совпадение самих слов: так, во многих новых языках, в том числе и в русском, названия леопарда и барса в конечном счете восходят к хатти и хеттскому».

У Данте, однако, образ волчицы, мешающей ему взойти на холм спасения, дан как символ корыстолюбия: «Будь проклята волчица древних лет, В чьем ненасытном голоде все тонет, И яростней которой зверя нет». На первый взгляд может показаться, что этот образ волчицы у Данте проивостоит общему символу волчицы – образ материнства, матери – защитницы жизни. Тем не менее, описание характера волчицы «И яростней которой зверя нет» показывает главное ее отличие от других зверей: борьба до последнего вздоха за право на жизнь.

Мифы образно передают то, что сохранила первичная память человечества с момента идеи создания мира, используя для передачи информации все средства в окружающей среде. Именно поэтому, дикто-

вала и диктует разноликим рассам и народам единство образов, языка, слова, законов, соединяет, объединяет их в единое понятие «человек».

Как известно, «люди соединяются прежде всего для взаимной защиты против внешних нападений. Изначально функция первичного символа заключалась в защите, как от внешней, так и внутренней угрозы. Символ всегда скрывает свой смысл. Если бы формы проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня». Первым примером договорных обязательств является соглашение между идеей мира проявить себя во вне и согласие духа человека принять участие в этом акте, при условии обеспечения защиты права на жизнь. Поэтому образ волчицы был избран одним из многочисленных символов защиты права жизни, права человека на жизнь. И писатель в романе при создании образа Кунанбая правомерно использует известный в истории образ волчицы, вскормившей сынов человеческих. Через этот почитаемый всеми образ защитника жизни М.Ауэзов показывает, что подросток-воспитанник возвращается в свою привычную степную среду, приобретает истинный облик воина-номада. В трехдневном пути он услышал зов предков, воспрял духом, вновь окунулся в родную стихию. В конце пути подросток-воспитанник превращается в Абая – сына Кунанбая. Именно в этом смысле следует принимать значение названия первой главы – «Возвращение».

Жумабай, как посол правителя, не имел права раскрывать истинные цели своей поездки в город, и его задание была окутано завесой тайны.

Автор, описывая начало третьего дня пути, пишет, что Абай в преодолении этого отрезка дороги «вложил всего себя» – «барын салды». Мы полагаем, что писатель в последнем слове первого предложения «салды» дал характеристику образу человека Абая и при этом использовал слова самого Абая о себе из стихотворения 1898 года «Болды да партия». В нем поэт раскрывает суть своего характера, каким он себя видел, оценивал: «Ортага көп салдым, Өзимде барымды. Япырмау, неңді алдым, Сау коймай арымды?» – «Я многое вложил, что имел в себе в жизнь общества», то есть на благо общества, для развития общественной мысли. «В чем я повинен пред вами, что непрестанно тревожите совесть мою?» – вопрошает Абай.

Сопоставив выделенные нами слова поэта «салдым», «барымды» и слова М.Ауэзова в первом предложении романа: «Үш күндік жолдың бүгінгі, соңғы күніне бала шөкірт барын салды», мы обнаружим образ личности Абая. Случайность, совпадение? Или желание читателя прочесть эти строки писателя в такой интерпретации? Как видно, в своих стихах Абай от первого лица дает оценку своему характеру, как личности – он таков по природе своей, и М.Ауэзов следует по этому пути, так как его герой диктует ему стиль письма, тем самым в какой-то мере помогает, расчищая тернистый путь писателя.

Нам следовало бы обратить внимание на этимологию самого слова «бар». Ученый А.Ю.Милитарева считает, что шумерское слово «bar» это «рубить» и сабейское слово «brt» означает «расчищать путь».

То есть, «барын салу» означает прокладывать дорогу, убирать завалы на пути.

М. Ауэзов указывал, что «своего героя писатель должен знать всесторонне, в многообразии его связей с окружающими людьми. Вот почему за сведениями я обращался не только к друзьям, но и к недругам Абая (а их тоже было немало, если учесть особенности родового уклада жизни казахов). Требовалось сопоставлять порой противоречивые факты и каждый раз исследовать их самому чуть ли не по всем правилам юридических и исторических наук». Эти откровения писателя свидетельствуют о том, что при написании романа автор одновременно выступал в качестве правоведа, и следователя, и судьи.

По закону любого жанра исследовать все самому означает пройти весь путь героя. При этом нужно неизменно руководствоваться золотым правилом принципа справедливости: все равноценно. Читая оригинал и оба перевода романа, мы, по всей логике вещей, приходим к выводу о том, что, наверное, и в теорию и практику перевода необходимо включить правила действующего права и, в первую очередь, принцип справедливости.

Как известно из теории перевода термины «эквивалентность» и «адекватность» имеют один корень – аеque – «равно».

Латинское «aequitas» – справедливость, равенство перед законом и судом. Это конституционный принцип.

Нужно отметить, что традиционно, наряду с судом государства существовал и существует закон письма и суд читателя, и оба бесспорно равноценны. Об этом говорится и во Всеобщей декларации прав человека, где записано, что человек имеет право наслаждаться искусством.

Исходя из этого права читателя, переводчик, взявшийся за перевод романа, должен дать читателю возможность насладиться произведением художника, и в этом устремлении перевод пуждается в максимальном сближении с оригиналом, подлинником. Право читателя осуществляется в справедливом переводе, в связи с чем закон письма «должен приспособиться к нуждам общества». Право читателя превращается в обязанность переводчика в устранении, так называемых, «системных межъязыковых расхождений, ассиметрий культурных реалий, стилистическими нормами». В этом видится справедливость, равенство перевода и оригинала.

Наверное, нам следует руководствоваться суждениями ученого Sir Henry James Summer Maine, когда речь идет о происхождении римского слова: «aequus» («справедливость»): «Латинское слово «aequus» гораздо яснее чем греческое «iоog», заключает в себе понятие об уравнивании. Его уравнивающее направление, бывшее отличительным признаком Jus Gentium, показалось бы в высшей степени удивительным для первобытного римлянина. Отвращение к установлению различия и привилегий кажется мне чертою Jus Gentium, заключающейся в Aequitas».

Как мы предполагаем, это слово означало первоначально постоянное уравнивание или устранение неправильностей, которое имело ме-

сто везде, где преторская система применялась к процессам именуемым чужестранцев.)

Если честно признаться то, что подобно латинскому слову «aequus» в римском праве, наши рассуждения-комментарий направлены к анализу имеющихся «неправильностей» как в понимании замысла автора в оригинале и его передачи в процессе перевода.

В последнее время от людей, причастных к литературе, мы часто слышим, что «литература есть дело совести» – «ар ісі». А что такое дело совести? Как указывают словари в древнеанглийском языке слово «аг» означало «слуга», «ар ісі» – служение.

Б.А.Тураев приводит данные о том, что ликийские и лидийские личные имена в греческой транскрипции обюнаруживают митаннийский облик, заключая в себе, между прочим, корень аг – «давать». То есть, приносить в дар; посвящение, пожертвование; служить, делиться с другими своими способностями, данными от природы. Что дано небесами, то нужно вернуть в земную жизнь. Желание от нас, преодоление от бога.

Известный тюрколог А.С.Аманжолов приводит следующее выражение из памятника «Кутадгу билиг»: «Өзүм арзулады аның қабғына» («Я сам пожелал быть при его двери, т.е. в услужении у него»). То есть, арзулады – пожелание, где корень – аг – указывает на желание, выбор, волю. В индоевропейских языках значение «слуга, служитель» обычно соотносится со значением «быстро двигаться», «аг» – сакральный огонь, движение сакрального огня, двигаться. По мысли писателя М.Ауэзова, поэт Абай шел вместе с народом в его неуклонном стремлении вперед, поэтому в первом предложении слова «барын салды» следует понимать как «стремительное движение вперед», которой несвойственно «нетерпение» и «спешка».

Об устремленности вперед к небесным вершинам говорит и слово «үш», открывающая роман. Нечетное число «три» обычно принято связывать со значением «острый» и «высокий». Объяснение этому следует искать в известном словаре Махмуд ал-Кашгари, где слово «үш» имеет значение «растущее в горах дерево, из которого делают тюркские перья для письма, а также веретена и посохи». Поэтому в древности существовала традиция дарить эти перья только поэтам и пророкам, достигшим вершин мастерства и наделенным острым умом.

Историки утверждают, что в Риме на месте нынешнего собора святого Петра находилось когда-то языческое святилище Януса. Янус изображался лысым старцем с небесными ключами в левой руке и с посохом в правой, как бог пути. Посох – верный спутник поэтов и путников земных как у Пушкина: «Благослови мой долгий труд, О ты, эпическая муза! И, верный посох мне вручив, Не дай блуждать мне вкось и вкривь».

Мы не будем блуждать в поиске ответа о тайне числа «три», а сразу обратимся к истории цифр. Как пишет ученый К.Меннингер, «с числом 3 в кощениции чисел появляется новый элемент. Слово «Я» по-прежнему противопоставляется слову «Ты», но то, что находится вне

их, то есть Это, является Третьим, Множеством, Вселенной. Три – это то, что находится «вне», трансформация, транзит». А в римском праве слово «транзит» означает переход права собственности.

Установлено, что «с помощью числа три был преодолен древний барьер числа 2. В процессе освоения счета, древний человек не сразу выстроил всю числовую последовательность. Нет, он часто останавливался, чтобы перевести дух. Число 2 – это и есть остановка, первая и самая старая из многих остановок».

Как следует из романа, наши герои также делали в пути остановки, чтобы отдохнуть самим и дать передышку лошадям. Второе предложение первой главы начинается с остановки у лесной чащи, заповедника: «Қорықтан күн шыға атқа мінейік деп асыққан-ды.»

В двух переводах слово «қорық» взято как наименование места стоянки, у автора – это заповедник, роща, где нашли почлег путники. Возможно, с той еще ночи в душе Абая зрели строки «Қараңғы түнде тау қалғыш, ұйқыға кетер балбыраш» и легли на бумагу при знакомстве с лермонтовскими строками «Из Гете» (Горные вершины) в переводе стиха Гете «Wanderers Nachtlied II» («Странника ночная песнь»). Та же картина ночи у А.Пушкина: «Навис покров угрюмой ночи, На своде дремлющих небес; В безмолвной тишине почили лес и рощи...».

Удивительно, но следующие строки «Бұдан бұрынғы екі күндік жолда үлкендер жылдам жүрмей, баланың шыдамын әбден тауысқанды» («Не быстрая езда взрослых в двух предыдущих днях пути совершенно исчерпали терпение подростка») точно передают неспешный ход числа «два» по дороге числовой последовательности.

С числами «два» и «три», связанных с дорогой, мы встречаемся и в повести Джека Лондона «Белый клык»: «Два дня и две ночи бродили волчица и Одноглазый около индейского поселка... Они бежали недолго – всего три дня».

Если еще более углубиться, то можно увидеть, что с нечетного числа начинается и эпос о Гильгамеше: «Поднимись и пройди по стенам Урука, Обозри основание, кирпичи оцупай: Еги кирпичи не обожжены ли, и заложены стены не семью ли мудрецами?» И наши предки называли свод степных законов «Жеті жарғы» (семь уложений, свод мудрости, кодекс памяти). Знаток степного права Абай именовал их собирательно - «Есім ханның ескі жолы» («Путь Есім хапа»), «Қасым ханның қасқа жолы» («Путь Касым хапа»); само сочетание «ескі сөз» (буквально, «Старинное слово») означает древнее право. Они являются кодифицированными сборниками, степными судебниками, где были сведены воедино нормы прежнего права.

Наше прочтение оригинала позволяет считать, что М.Ауэзов первую главу эпоса с самых первых строк посвятил нормам права, уходящим своими корнями в многовековую историю человечества. Истоки события, описанных в романе, берут начало с суда над героем первой главы Кодаром, который был обвинен в близких отношениях с вдовой его недавно скончавшегося сына.

Выбор имени героя, которому на склоне лет суждено было прой-

ти через испытание жизни, не был случайным. Этим именем писатель вводит нас в мир права, заключающий в себя право жизни, право на жизнь и правду жизни. Прежде всего нам необходимо ответить на простой вопрос – для чего рожден человек?

Все книги бытия свидетельствуют, что человеческому существу предназначено плодиться и размножаться, расти и развиваться для чего следовало осваивать земные просторы и природные ресурсы.

Кодар из-за бедности не мог перебраться на джайлау и жил на зимовке в урочище горы Карашоқы, заселенные родом Борсак и Бокенши. У него скончался сын, и он проживал с овдовевшей снохой Камкой. По этому поводу пошла перессуда, впоследствии переросшие в обвинительную речь Кунанбая, и Абай впервые по приезду в родной аул услышал имя Кодар на совещании предводителей рода Тобыкты. Он не знал Кодара и разве что, мимолетно вспомнил это имя из народного эпоса «Қозы Көрпеш-Баян сұлу». Вот в этом образе Кодара из эпоса и заключена разгадка замысла М.Ауэзова в выборе имени для одного из своего героев – несчастного семидесятилетнего старика.

В эпосе, богатые люди Сарыбай и Карабай по традиции сосватали своих детей. Сарыбай скончался сразу после заключения договора о сватовстве, и Карабай, не желая отдавать дочь за сироту, решил перебраться в другие отдаленные места. Он владел 90000 тысячами голов лошадей и ради сохранения поголовья скота он заключает сделку с Кодаром с условием отдать дочь за него, и по закону обязательство подлежало неукоснительному исполнению. Так, согласно статьи 47 Закона Ману, «Я даю» – словесное обещание выдать девушку замуж, этого достаточно для того, чтобы считать ее замужней, а брак нерасторжимым.»

Однако народный эпос не дает возможности осуществлению их договора, и Кодар погибает от рук жениха. В основе этого художественного решения народного эпоса лежит норма права, по которому родители имели права не отдавать дочь за раба, если даже тот оплатил цену за будущую жену. Кодар из эпоса именуется рабом, несмотря на то, что отец свободной девушки желал отдать дочь за услуги раба, ее мать этому противилась.

Академик В.В.Струве приводит норму права, существовавшую в Хеттском судебнике, о праве родителей не предоставлять свободную женщину рабу, даже в случае выплаты им «цены» жены. В параграфе 34 этого судебного кодекса было записано, что «если раб для (свободной) женщины цену жены принесет, и ее в качестве своей жены (хочет) итти, то ее никто не (должен) передать (ему)». Эта норма права была введена с целью защиты свободной женщины от брака с рабом.

Кодар из эпоса – наемный работник, невольник сразу – потребовал отдать за него свободную девушку родную дочь Баян, прямо заявив Карабай, что он не желает получать за «цену» жены женщину, взятую Карабаем на воспитание. В романе-эпосе вдова Камка была свободной женщиной и после смерти мужа Кутжана (сына Кодара) ее ожидала другая норма права – «әменгерлік» – девират, чего в душе

опасался ее свекорь. Он понимал, что сородичи, следуя степным обычаям, будут искать наследника его скогу, то есть, нового мужа одошедшей снохе.

Однако людская молва о недопустимой близости свекра и снохи повела их судьбу по трагическом пути. Любителями сплетен совместная жизнь свекра и снохи под одной крышей была ложно истолковано как незаконное сожительство, и по степям мутной прибойной волной покатались слухи. По законам того времени совместная жизнь между свойственниками по прямой линии и по боковой линии до третьей степени родства включительно была запрещена. Отражение этой нормы права можно увидеть и в статье 515-2 гражданского кодекса Франции (кодекс Наполеона), где под угрозой недействительности не может быть заключен договор о совместной жизни между указанными свойственниками.

Людская ложь о близости старца и невестки, о якобы совершенном святотатстве быстро распространилась, как огненный смерч, по всем родам и племенам, и предводители рода Тобыкты должны были публично принять меры. Старший султан Кунанбай предлагает назначить смертную казнь через повешение, ссылаясь на нормы шарита, так как в казахском древнем праве не зафиксировано такое преступление, в связи с чем и отсутствуют мера наказания.

Подобный поступок наказывался у многих народов. Так, в Законе Хаммурапи согласно статье 156 за близкую связь со снохой свекр подлежал утоплению.

После исполнения обвинительного приговора Кунанбай принимает неожиданное для всех решение и захватывает все зимовку рода Борсак, Бокенши, в том числе и зимовку Кодара. В обоснование своего решения Кунанбай заявил, что он поступил так, для того чтобы очистить эти земли от скверны незаконного сожительства. Возмущенным его поступком бывшим владельцам он заявил: «Если вы сейчас признаете Кодара достойным мужем, то вы сами можете ли называться народом?» Этим Кунанбай ответственность за нарушение норм права отдельными лицами переложил на весь род Борсак, Бокенши.

Писатель, приняв такое художественное решение в развитии событий с Кодаром, вновь ввергнул всех в пучину норм права, действовавшим во времена культа неугасимого огня, символизирующего жизнь всей общины или всего народа. В те времена, согласно закону эпиклера (так называли его древние греки), право наследования очага предоставлялось только мужчине, женщина не обладала таким правом.

Правовед К.П.Победоносцев считал, что «религиозное начало, лежащее в основании древней семьи, требовало непремешного поддержания домашней святыни и непрерывного ей служения, «для сего каждому начальнику семейства надлежало по долгу оставить после себя преемника. Если природа отказывала ему в кровном сыне, религиозный обычай требовал, чтоб он принял к себе чужого сына, приобщив его к своему домашнему очагу торжественным обрядом вступления».

В Древней Греции (Афины, Спарта, Сицилийские колонии) суще-

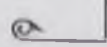

ствовало оригинальное учреждение Эпиклер или Патрокий состоявшее в связи с усыновлением. Оно подразумевало, что дочь и вообще женщина исключалась из наследства и сама по себе не могла держать домашний очаг. Одни сыновья считались способными к этому: замена сыновьям при их отсутствии, было усыновление. Но сын дочери, имея все-таки ближайшую кровную связь с умершим мог быть предпочтительнее другого лица при достижении цели усыновления. Таким образом, при необходимости закон обязывал дочь к браку с ближним родичем отца, и сын от этого брака вступал через мать свою в наследство после смерти отца ее. Это право соблюдалось настолько строго, что ближний по указанию закона родич в случае если оказывался сам женат, обязывался развестись с женою и вступить в брак с Эпиклерою.»

Этот закон действовал и среди племен заложивших основу казахского народа, свидетельство этому – древние сказания. Но это – отдельная тема, которая может увести нас далеко от судьбы Кодара и Камки.

Со смертью сына Кодара потух огонь на алтаре, других детей у него не было. Вопрос о наследственных правах на землю и скот надлежало решать на основе обычаев старины. Как гласит статья 59 Закона Ману, «при [опасности] прекращения линии [рода] женщиной, надлежаще уполномоченной, должно быть приобретено желанное потомство или от деверя или от [другого какого-либо] сапинды [мужа]. Прекращение линии [рода] – отсутствие сыновей». Для сохранения права пользования родовым именем и землю нужно было отдать Камку за другого мужчину из рода Борсак. Однако близкие Кодару по роду богачи Жетпис и Жексен, желая захватить земли Кодара, задумали опозорить его и превратить в изгоя. Именно они, как следует из романа, стали клеветать на невинных людей и довели дело до суда.

Дальновидный Кунанбай увидел, что после смерти Кодара, его земли можно объявить бесхозными и умело решил проблему земли в пользу своего рода Ыргызбая. Ыргызбай, именем которого назывался род Кунанбая, в свое время стал бием в племени Тобыкты после Кенгирбая из рода Жигитек в соответствии с принципом очередности занятия властных должностей, имеющего свою историю. Так историк Н.В.Козырева в своей статье о взаимодействии этнических групп в ранней истории Месопотамии пишет, что «важную роль в создании властных структур играл, по-видимому, один из фундаментальных принципов шумерской цивилизации – принцип очередности (шум. bala). Все горожане, вероятно, делились на несколько равноправных групп, представители которых поочередно занимали главные должности в иерархической структуре». О применении принципа очередности занятия главных должностей во властной иерархической структуре свидетельствует древнее казахское сказание о батыре «Қарадөңгі». Его герой был ирротой, хан племени Ногайлы увидел тринадцатилетнего мальчика и привел к себе во дворец. Затем, когда ему исполнилось 15 лет, после двухлетнего испытания предложил тому трон и корону: «Осы балаға астындағы тағымды, басымдағы тағымді берсем.»

Этими словами хан определяет «бала» как своего преемника и передает ему верховную власть, «бала» здесь выступает в качестве нормы права.

Необходимо отметить, что шумерский принцип «bala» находит конкретизацию в аккадском слове «palum» – царствование, и последний, в свою очередь, имеет связь с казахским словом «палшы» – целитель. Раньше говорили: «Басың ауырса палшыға бар» – если голова болит, иди к целителю (палшы).

Пожалуй, теперь мы имеем полное право вновь вернуться к первому предложению и обратить внимание на сочетание «бала шәкірт» с точки зрения соблюдения иерархии при занятии должности главы племени. В самом начале романа автор указывает, что родственник Абая Байтас был отправлен за ним в город. Он был послан Кунанбаем, который принял решение оборвать учебу тринадцатилетнего сына ради назначения его своим преемником. Для этого требовался процесс передачи бразды правления всем родом Абаю по его возвращению в аул. Это намерение Кунанбая писатель передает устами другого специального посланника по особым поручениям Жумабая. Он говорит «Қап, мынаның баласы!... «Мен бөрінің бөлтірігімін» деп, келеді-ау!» «Мынаның баласы» – дитя Кунанбая, хотя это имя он не произносит «Бөрі» (символическое название волка) – это Кунанбай. «Бөлтірік» – бала, которого он намерен воспитать в качестве своего преемника, по следователя.

Именно слово «бала», засвидетельствованное еще в IV тысячелетии до нашей эры в письменах далекого Шумера, предстает перед нами в качестве термина действующего современного права. Быть может, последующих переводах романа на иностранные языки слово «бала» следует сохранить в неизменном виде как памятник древнего права, как символ единства правовой мысли человечества. «Bala»...

(Продолжение следует)

25.03.2018-25.05.201

ПРИМЕЧАНИЯ:

*Мы были восхищены тем, что все эти образы, рожденные в процессе чтения романа, к великому нашему удивлению так удачно и кстати совпали с суждениями Ф.Бэкона, которые нам встретились уже после написания первой части комментария: «Книги – это корабли мысли, странствующие по волнам времени и бережно несущие свой драгоценный груз от поколения к поколению».